

О ТВ — МАСТЕРА ТВ

ЛЕТАЛЬНЫЙ ИСХОД?

Известный театральный режиссер Валерий Фокин дебютировал на ТВ в 1974 году спектаклем «Домби и сын» по Диккенсу. Затем он сочинил два спектакля по Виктории Токаревой: «Между небом и землей» и «Дефицит на Мазаева», поставил «Ивана Федоровича Шпоньку и его тетюшку» Гоголя, «Кузена Понса» по Бальзаку, «Тамбовскую казначейшу», «Басни Крылова». В его спектаклях играли звезды — Гердт и Глузский, Козаков и Филозов... В 1983 году он снял двухсерийный телефильм «Транзит», который недавно снова показали по ТВ. Помните, в главных ролях Ульянов и Неелова! Этим роман Фокина с телевидением завершился. Он ставит спектакли в Москве, в Японии, в Германии, Польше и еще каких-то странах... Но со «страной телевидения» дипломатические отношения порваны. Почему?

ную труппу. Со всей страны. Из всех суверенных государств. Наладив дипломатические отношения, позвать, например, артиста из Таджикистана или Казахстана...

В Польше был день, по-моему, понедельник — телевизионного театра. И зрители ждали этого дня. И крупные режиссеры ставили спектакли. Почему у нас этого нет?

КОРР. Но «Транзит»-то ты сделал «чистым» кино. После чего, кстати, был обвал писем: что вы пропагандируете на телевидении?

В. ФОКИН. Тогда возмущались: зачем Ульянов, Председатель и маршал Жуков в койке с какой-то... в тельняшке. Я тут недавно включил телевизор и вздрогнул: советские гены, они все-таки сидят и во мне крепко. Там девочка-лесбиянка рассказывала о том, как она без этого не может жить... Нет, я не готов брать ручку и писать возмущенное письмо Яковлеву: зачем вы это показываете, но что-то такое начинает скрестись. Мы все определенно воспитаны, к сожалению...

КОРР. Только из-за «маршала Жукова в койке» и не пускали фильм 2 года?

В. ФОКИН. Именно. Там такая небезызвестная дама была — Стелла Жданова, до сих пор ее помню: топала ногой, орала, визжала, кричала на меня, на Зорина; потом приехал Ульянов, он тогда был членом ЦК нашей родной партии. И она, Жданова, стала тише... Заставляли вырезать там эту постельную сцену, что-то такое переделывать — около двух лет. Хотя фильм скорее наивно-детский, они же все время сидят и разговаривают в постели, они даже делом-то не занимаются... Что тоже яв-

ляется неправдой, а как бы условностью.

Что я вспоминаю с удовлетворением, так это общую интонацию картины. Она была довольно печальная. И эта грустная интонация, мне кажется, нам удалась: печаль, удал, какая-то безнадега. И, конечно, это все в те годы дразнило Жданову, Хесина, который был тогда директором «Экрана». Я помню, он мне замечательную фразу сказал: «Мы же вам другое заказывали. У нас же заказ — социальная мелодрама, а вы что? А вы нам драму тут какую-то, трагедию сделали». Но это все в прошлом.

КОРР. Помнишь, во времена нашей ранней молодости шли такие долгие-долгие сериалы: анчаровский, еще чей-то, семейные. Есть у них какая-то перспектива на ТВ? Или сейчас такое время, когда никого видеть не хочется, а тут... будут показывать семью, которая так же стоит в очередях...

В. ФОКИН. Телевизор — это ведь вообще наркотик. И поэтому даже когда его ненавидишь, а сегодня он может раздражать особенно, все равно его включаешь. И ты имеешь право выбрать: это, это или это, по идее — как бы меню такое. И я думаю, что телевизионный сериал обязательно найдет своего зрителя. Ты вспомни «Семнадцать мгновений весны» — ведь смотрели, и был пустой город.

КОРР. Я имею в виду сериал про семью и для семьи.

В. ФОКИН. Вот Диккенс удивительно телевизионный автор в этом смысле. Если делать такой сериал по Диккенсу, это очень интересно. Характеры какие, роли...

КОРР. У нас столько режиссеров, и все они пробирются в какие-то подвальчики, но я не вижу, чтобы рвались на ТВ. Почему?

В. ФОКИН. Я думаю, что оно сегодня отталкивает. Поэтому молодые в студиях, подвалах ищут некий способ открытого театра, своего. Привлекают иногда ложным, но экспериментаторством. Телевидение отпугивает своей производительностью: техника, камеры, которые вечно не работают. Вот я ставил на ТВ в начале 70-х годов — так и сегодня все то же самое.

КОРР. А может, наше ТВ еще и не зовет?

В. ФОКИН. Не зовет, конечно. Ты вспомни: даже в те застойные годы постоянно на ТВ работал Марк Захаров, у него были хорошие спектакли, вспомни хотя бы «Пир во время чумы»... Фоменко, Эфрос...

КОРР. Существует даже театр Эфроса как самостоятельная ценность. А точнее — бесценность.

В. ФОКИН. Конечно. Но там не думают сейчас об этом. КОРР. А о чем думают? Чем они собираются жить дальше? Будут закупать любого качества серии где-то «там»?

В. ФОКИН. Наверно, будут закупать. А я считаю, что им бы надо продумать репертуар, наметить людей, которых можно пригласить. Но для этого нужны редакторы-энтузиасты. Как когда-то. Они тащили людей, и была какая-то жизнь. И какие-то планы. Сейчас полная тишина. Ничего нету. Никого этого не интересует. Наверное, если бы предложили Захарову подумать об интересной работе — он бы подумал, если мне бы предложили... не предлагают. И от этого и театра как бы нет телевизионного. Его нет, он умер много лет назад: его как бы не существует. Хотя есть масса телевизионных авторов...

КОРР. Я не знаю, что дальше будет с театром на ТВ. Открывается пока только один вид программ: шоу. И одна другая хуха. Кажется, хуже нигде. Нет, умеют превзойти. Но ты не ответил: согласишься поставить, если позовут? Диккенса, а?

Светлана ОВЧИННИКОВА

На снимке: Валерий Фокин.

Фото В. Дозорцева

В. ФОКИН. Что было на ТВ последние восемь лет? Есть ли там сегодня редакция, которая занимается именно телевизионными спектаклями? По-моему, нет. Нет людей, которые хотели бы осваивать именно эту территорию, именно этот

мир. Не мне говорить, что теле театр — это не кино для бедных и не история жизни «говорящих голов». А ведь у ТВ масса неразгаданных возможностей. И счастливейшая из них — возможность со- брать на спектакль уникаль-

Семь дней — 1992 — 20-26 сент. (чт.) — с. 19